

Рядом стоял сундук с доказательствами. Се Лин наугад поднял один из документов и зачитал:

— Тринадцатый год Цинли. Ши Цянь, второй сын старшей ветви семьи Ши, заметил дочь крестьянина и захотел взять ее в наложницы. Девушка отказалась. Разгневанный Ши Цянь убил ее родителей и насильно заставил ее покориться...

— Четырнадцатый год Цинли. В неурожайную пору ростовщическая лавка семьи Ши выдавала деньги в долг, начисляя процент «Янгао». Осенью следующего года более сотни семей арендаторов не смогли расплатиться по долгам. Их земли были насильно отобраны в счет уплаты процентов, а красивых крестьянских дочерей уволокли силой, чтобы вернуть долги...

Много лет сильные и богатые землевладельцы творили произвол, и список их злодеяний был бесконечен. Влиятельная семья Ши и вовсе действовала без оглядки, ведя себя безрассудно и дерзко. Пользуясь тем, что местным чиновникам приходилось считаться с ними и кормиться с их рук, они дошли до того, что даже не пытались замечать следы. Стоило кому-то из семьи Ши присмотреть землю или женщину — и они забирали желаемое прямо среди бела дня. За эти годы неисчислимое множество арендаторов превратилось в бесправный скот для обогащения семьи Ши, и неисчислимое число девушек из добропорядочных семей было насильно увезено в их поместье. Усадьба семьи Ши своей роскошью могла поспорить с запретным дворцом Ецзина, а в одежде и еде они не соблюдали никаких установленных правил, утопая в роскоши, достойной князей и императорской родни.

Сяо Чжигэ с мрачным лицом швырнул стопку улик прямо в лицо Ши Кайжэню. Не давая тому возможности оправдаться, он ледяным тоном произнес:

— Члены семьи Ши содержали частную армию, захватывали чужие земли, убивали невиновных, похищали женщин... Они ни во что не ставили законы страны, и их преступлениям нет прощения. Передайте мой приказ: немедленно взять под стражу всех членов семьи Ши. Главных виновников завтра разрубить пополам на городской площади, остальных сообщников обезглавить. Всех домочадцев, за исключением насильно удержанных, сослать за три тысячи ли. Все имущество и пахотные земли конфисковать в пользу государственной казны.

Ши Кайжэнь задрожал от ужаса, глаза его едва не вылезли из орбит:

— Сфабрикованные обвинения! Это клевета! Я не согласен!

Он широко раскрыл глаза, судорожно вращая зрачками, словно вспомнив о чем-то, и сорванным голосом закричал:

— Я родственник наследного принца! Моя дочь — его наложница! Кто из вас посмеет убить меня?! Я хочу видеть наследного принца!

Сяо Чжигэ холодно наблюдал за его предсмертными метаниями и лишь отдал приказ:

— Утащите его. Завтра казнить перед главной улицей!

Сколько бы хитростей ни таилось в голове Ши Кайжэня, в этот момент ни одна из них не могла помочь. Разгневанно вращая глазами, он кричал без остановки, пока его утаскивали прочь. Остальные богачи, видя, как за пару фраз всю семью Ши обрекли на истребление, перепугались до смерти. Они пали ниц и безудержно молили о пощаде.

Сяо Чжигэ не собирался перебить их всех до единого и бросил взгляд на Се Лина. Се Лин, все

поняв, шагнул вперед, чтобы успокоить собравшихся:

— Господа, не стоит так тревожиться. Князь проникателен и справедлив: он не пропустит ни одного злодея, но и не свалит вину на невиновного.

От этих слов у сильных мира сего окончательно похолодело внутри. Кто из присутствующих здесь не запятнал себя грехом? Даже если кто-то сам не совершал преступлений, в его семье наверняка находились те, на чьих руках была человеческая кровь. С трепетом и страхом они взирали на Сяо Чжигэ, словно ожидая смертного приговора.

Се Лин слегка улыбнулся. Убедившись, что устрашение достигло цели, он мягко добавил:

— Человек не святой, кто из нас не ошибается? Князь вовсе не желает истребить вас до корня. Сейчас в Цинчжоу вспыхнули волнения, простые люди терпят лишения и скитаются без крова, а князь милосерден и сердцем болеет за народ. Если вы сможете искупить вину добрыми делами, то делать это еще не поздно.

О том, как именно искупить вину, он не сказал ни слова. Но здесь собрались только хитроумные дельцы — разве могли они не понять намека?

Переглянувшись, они с плачевными лицами в один голос заголосили:

— Мы готовы приложить все свои скромные силы ради князя и народа Цинчжоу!

Примечание автора:

Сяо Чжигэ: Конфискую их имущество и отправлю в Яньчжоу, чтобы Но-но посчитал деньги забавы ради.

В конце десятой луны Ань Чанцин наконец получил письмо из дома от Сяо Чжигэ.

К этому времени его живот заметно округлился, и он даже мог чувствовать легкие толчки ребенка. Когда Ху Шифэй снова пришел проверить его пульс, он с некоторой неуверенностью сказал, что в животе, весьма вероятно, двойня.

Сейчас его живот был почти такого же размера, как у женщины на том же сроке беременности, но Ху Шифэй утверждал, что внутри двое младенцев. Ань Чанцин немного беспокоился, что дети окажутся слишком слабыми и хилыми, а после рождения будут болезненными. Однако Ху Шифэй, проверявший его пульс каждые три дня, в конце концов подтвердил, что оба ребенка совершенно здоровы. Возможно, они будут чуть меньше размером, но уж точно не слабыми. В конце концов, в их жилах течет кровь племени цзяожэнь, и их нельзя мерить обычными мерками.

Только тогда Ань Чанцин успокоился.

Он нежно погладил свой живот и развернул присланное Сяо Чжигэ письмо.

Письмо было пухлым. На этот раз оно состояло не из пары коротких строчек с просьбой не волноваться: Сяо Чжигэ подробно описал обстановку на юге.

Сяо Чжигэ не стал следовать указу императора Аньцина и спешить на помощь Жуаньчжоу, а вместо этого застал богачей Цинчжоу врасплох. Когда Ань Чанцин прочитал о том, как

знатные роды Цинчжоу заперли городские ворота и отказывались их отворять, а Сяо Чжигэ взорвал ворота с помощью шести бомб «Сотрясающая небеса», он не сдержал улыбки.

Бомба «Сотрясающая небеса» была одним из новых видов огнестрельного оружия, разработанных Директоратом вооружений. В свое время Ань Чанцина натолкнула на эту мысль одна необычная история из книги путешествий, и он обмолвился об этом Сяо Чжигэ. Он и не думал, что Сяо Чжигэ действительно поручит людям из Директората вооружений заняться разработкой. Раньше порох в основном использовался для создания фейерверков и петард, но когда они изменили подход и применили его в создании оружия, выяснилось, что его мощь поистине разрушительна.

Помимо бомбы «Сотрясающая небеса», Директорат вооружений создал и другие виды огнестрельного оружия. Однако война в Яньчжоу утихла, и применить их не успели. Отправляясь на юг, Сяо Чжигэ на всякий случай взял часть оружия с собой и не ожидал, что опробовать его придется на этих непокорных богачах.

Чтобы уstrasить местную знать, Сяо Чжигэ конфисковал имущество семьи Ши, стоявшей во главе смуты. Семья Ши была крупнейшими купцами на юге, и богатства, накопленные их предками за несколько поколений, как говорили, могли соперничать с целой страной. Ань Чанцин знал о них лишь потому, что одна из наложниц в поместье наследного принца была как раз дочерью семьи Ши. По правилам, дочь купеческого рода не могла стать наложницей наследного принца. Но против огромных денег семьи Ши трудно было устоять. Если бы за спиной столь богатого купеческого дома не стоял покровитель, двор давно бы обратил на них недобрый взор. Поэтому глава семьи Ши сделал ставку на наследного принца: он не только отдал ему в наложницы свою дочь, но и приложил колоссальное приданое.

К несчастью, наследный принц был сладострастен, но презирал властный и высокомерный нрав дочери семьи Ши. Он не слишком ласкал эту наложницу, хотя и не обижал, просто содержал в Восточном дворце. Ранее в Ецзине Ань Чанцин слышал разные сплетни: говорили, что эта наложница, опираясь на могущество семьи Ши, всю самоуправствовала в поместье наследного принца. Вот только хотя наследному принцу и нужны были деньги, он презирал семью Ши и терпеть не мог саму девушку. Когда же у него окончательно иссякло терпение, эта дочь семьи Ши полностью лишилась его благосклонности.

Неудивительно, что у семьи Ши созрели мятежные помыслы. При их колоссальном богатстве, если бы они не смогли уцепиться за наследного принца, в наступившие смутные времена семья Ши превратилась бы в лакомый кусок для окружающих. Уж лучше было нанести удар первыми и захватить побольше козырей. Жалеть приходилось лишь о том, что они столкнулись с Сяо Чжигэ.

Разнеся городские ворота вдребезги, Бэйчжань-ван первым делом расправился с семьей Ши, чтобы преподать урок остальным.

К настоящему моменту все имущество семьи Ши было полностью конфисковано. Мужчин из прямой линии семьи разрубили пополам на площади, остальных родственников, повинных в убийствах, обезглавили. Женщин обратили в казенных рабынь, а не имеющих важного значения слуг и малолетних детей сослали.

Семья Ши неслучайно считалась неимоверно богатой: их усадьба ничуть не уступала Запретному городу в Ецзине. Сяо Чжигэ изъяс из их владений бесчисленное количество золота, серебра и драгоценностей. Обычные редкие безделушки и малую часть золота и серебра он запечатал в сундуки и отправил в Ецзин — исключительно для создания видимости.

Остальную же, наибольшую часть диковинных сокровищ, золота и серебра Сяо Чжигэ тайно утаил.

Богатства семьи Ши были нажиты путем жестокой эксплуатации простых людей. Сяо Чжигэ намеревался успокоить беженцев: помимо того, что он предал преступников из семьи Ши суду, оставшееся имущество и земли он приказал перераспределить и призвать беженцев к миру.

Большинство из этих беженцев изначально были простыми крестьянами-землевладельцами. Позже местная знать разнообразными уловками и давлением вынудила их продать земли. Лишившись средств к существованию, они превратились в скитальцев и примкнули к армиям восставших. У этих беженцев не было амбиций стать знатными вельможами или генералами, большинство из них подняли бунт лишь ради того, чтобы выжить.

Теперь же Сяо Чжигэ указал им иной, светлый путь: каждый беженец, изъявивший желание покориться, мог получить надел земли. А если чья-то семья пострадала от жестокости семьи Ши, после проверки им полагалась денежная компенсация.

Одной лишь возможности получить землю хватило, чтобы всколыхнуть сердца бесчисленных беженцев. В рядах армий восставших начал зреть раскол. У любого бунта должны быть заводы: пока рядовые беженцы рисковали жизнью на передовой, главари, вкусившие сладкую жизнь, не желали так просто расставаться с властью. В конце концов, далеко не каждый заботился о жизнях других людей так, как двое вождей во время волнений в Сышуэ.

<http://bllate.org/book/18381/1767858>